

НАУЧИ МЕНЯ ЛЮБИТЬ

Лариса Анатольевна Стрельцова родилась в деревне Нестеровке Саратовской области. В Оренбург переехала с родителями, окончила историко-филологический факультет Оренбургского государственного педагогического института. Работала корректором, корреспондентом, редактором отдела писем областной газеты «Южный Урал». Стихи пишет со школьных лет, публиковалась в областных газетах, коллективном сборнике «И с песней молодость вернётся». Автор двух сборников стихов: «Монолог» и «Ностальгия». Живёт в Оренбурге.

Вера вошла в комнату и с порога наткнулась на неподвижный, безучастный взгляд матери. Ксения полулежала на узкой кровати, подпёртая сзади большими подушками, прикрытая старым выцветшим одеялом. На стуле рядом — ингалятор, облегчающий приступы астмы, открытые упаковки таблеток. Длинная комната с узким окном, пропускающим тусклый зимний свет с улицы, выглядела почти нежилой: краска на оконных рамах во многих местах облупилась, шторы выцвели, полки и посуда в шкафу покрылись пылью.

— Садись, — Ксения похлопала по одеялу худой ладонью и заговорила неожиданно возбуждённо: — Он вчера вечером сказал, что приведёт к себе Нинку. Только не это!

«Он» — это брат Веры Валерий, живущий в соседней комнате. Ему уже за пятьдесят, он не работает, тянет у матери деньги

на водку, а напившись, угрожает поджечь квартиру и бьёт Ксению. Бьёт с отчаянной озлобленностью, вкладывая в удары боль за несложившуюся семейную жизнь. Жена давно ушла от него, забрав дочерей. Ксения жаловалась Вере, показывала синяки, но когда дочь предлагала ей переехать к ней, мгновенно вспыхивала:

— Ты с ума сошла! Потерять в девяносто два года родной угол! К нему начнут ходить алкаши, и тогда прощай, квартира! Он же всё пропьёт!

На этом разговор всегда заканчивался. Вера смотрела на мать, которая теперь даже отдалённо не напоминала девушку с фотографии из семейного альбома. Яркая, весёлая, кокетливая, она тогда нравилась всем. Садилась за старенькое пианино и смело стучала по клавишам, не всегда попадая в ноты. В начале войны ей было восемнадцать лет. Из Смоленска семья эвакуировалась в Саратовскую область и поселилась в деревенском доме.

В сорок шестом году в сельскую школу прислали молодого учителя физкультуры Александра, за которого через год Ксения вышла замуж. Родилась Верочка, а отца потянуло в город, к новой жизни и красивым, ухоженным женщинам; а чем он мог довольствоваться здесь, в деревушке на шестьдесят дворов, где к этому времени успел подарить своё внимание многим молодым

и привлекательным сельчанкам. Всё чаще находил повод ехать в Саратов, да однажды так и не вернулся. Мать с головой ушла в свои переживания. А потом познакомила семью с Георгием, высоким худощавым мужчиной, с которым её сосватал кто-то из сельчан. По этому случаю накрыли стол. Георгий сидел смиренно, говорил мало и к рюмке не прикасался. «Непьющий», — одобрительно заметил кто-то.

Мать с Георгием поселились в соседнем доме. Стараясь оправдать себя в общественном мнении, Ксения утверждала, что её избранник лицом похож на Вериного отца, которого, судя по всему, она продолжала любить. Работала учётчицей в совхозной конторе. По воскресеньям в сельский клуб привозили художественные фильмы. Ксения наряжалась в голубое шёлковое платье с мелкими цветочками и рукавом-фонариком и под руку с Жорой торжественно, не спеша шла по деревне. Георгий надевал подаренную ею футболку, называемую в народе «бобочкой». Его худое длинное лицо на высокой шее, с крупным носом, тонкими губами и круглыми глазами напоминало Вере гусака. Он стеснялся чужих любопытных взглядов и вёл себя скованно. После Ксениного замужества Верочка осталась жить у бабушки с дедушкой, там же жили сестра матери Ольга и пришедший с фронта брат Василий. Бабушка

упросила оставить у неё внучку, которую нянчила с пелёнок, боясь, что девочке будет плохо жить с отчимом. Мать не особенно возражала, тем более что их дома находились по соседству.

А Верочке там жилось хорошо. Для неё всегда был припасён лучший кусочек. В маленьком сельпо, забитом вперемешку продуктами и промтоварами, ей покупали сладости — печенье, конфеты-подушечки, розовые, обсыпанные сахарным песком, ириски «Кис-кис», липнущие к зубам. Она чувствовала себя обласканной и любимой. У неё было две матери — Ксения и Ольга.

Ольга заочно училась в Ленинграде и ездила туда сдавать экзамены. В день приезда Верочка нетерпеливо ждала её возле дома. Завидев издали, бежала навстречу и с разбега повисала на шее. Захлёбываясь, рассказывала свои новости, украдкой поглядывая на чемодан; она знала: в нём лежат подарки. Раскрывали — и помимо сладостей — коробок с зефиром, мармеладом, печеньем, тающим во рту, пастилой, о которых даже не слышали местные ребяташки, — там были детские вещи: платица, кофточки, разноцветные носочки, трусики. Особенно хорош был комплект из прибалтийского трикотажа — тёмно-синяя юбка на длинных бретельках и голубая кофточка. В этом наряде Вера щеголяла по деревне, чувствуя себя королевой.

Верочкиной гордостью и настоящим сокровищем были волосы. Они лились по спине, спустились ниже пояса. В школе её часто дёргали за косу, проверяя: своя ли? Но красота требует жертв, и мыть их было чистой мукой. Чтобы мыльная вода не попадала в глаза, мать прижимала лицо дочки к своему животу, а волосы опускала в таз с водой и долго мылила, смывала пену. Вода всё-таки попадала в лицо, глаза щипало. Верочка визжала, процедура казалась ей невыносимо долгой. Зато потом волосы, каштановые, блестящие, чуть с рыжинкой, рассыпались по плечам и падали вниз тяжёлыми прядями. Ни у кого в деревне не было такого богатства! В косы вплетались шёлковые ленты. У неё одной в классе была настоящая школьная форма: коричневое платье с белым воротником, фартуки, белый и чёрный. В классе двенадцать детей. Рассматривая любительские фотографии, Вера останавливалась на одной: вот она на втором ряду за одной партой с соседом Виталиком, позади — лица одноклассников. Одновременно в одной комнате занимались первый и третий, второй и четвёртый классы, а учительница была одна — Мария Александровна, в прошлом дочь священника. В её доме было много книг с картинками на религиозные темы. Приходя вместе с бабушкой, которая дружила с учительницей, Верочка перелистывала эти старые

книги с плотными страницами, разглядывала картинки, прикрытые сверху тонкой прозрачной бумагой. В этом доме было всё какое-то особенное: и библиотека, и сама Мария Александровна, благообразная, интеллигентная, с гладкой причёской на прямой пробор и закрученными сзади в тугую жгут волосами.

Картинки из детства остались в памяти разбросанными, не связанными воедино, как рассыпавшиеся части пазлов, которые невозможно теперь собрать в целое.

...Вот Верочка с Ольгой возвращаются откуда-то домой. Лето, послеполуденный зной, солнце палит немилосердно. Дорога кажется бесконечной. Сколько лет ей было тогда — пять, шесть? Устала, захныкала, прижалась к Ольгиному боку. Ольга взяла её на руки и предложила: «Споём? Будет легче идти». И прямо на ходу придумала какую-то смешную песенку. Верочка сидела на Ольгиных руках и подпевала. Так и дошли. Почему так больно сейчас об этом вспоминать?

Верочка рано научилась читать и писать. Ольга время от времени ездила по делам в райцентр и привозила оттуда книги: собрания сочинений Чехова, Некрасова, Есенина. И, конечно, детские книги для Верочки: четырёхтомник А. Гайдара, рассказы Н. Носова, стихи А.

Барто, «Республику ШКИД» Г. Белых и Л. Пантелеева, сказки Андерсена и Гофмана...

Верочка с головой ныряла в мир фантазий, представляя себя героиней произведений, плакала о печальной судьбе Русалочки, радовалась счастливому концу сказки, где добро побеждает зло, и всем сердцем верила, что и в жизни иначе быть не может. В первом классе наизусть читала некрасовских «Деда Мазая» и «Генерала Топтыгина». А Ксения называла книги хламом, на который впустую тратятся деньги, но, видя любовь дочери к чтению, раза два тоже подарила ей книжки, жаль, что Верочка к тому времени их уже переросла.

Она любила засыпать, прижавшись к тёплому боку Ольги, слушая очередную придуманную ею сказку и чувствуя, как мама Оля легонько перебирает волосы на Верочкиной макушке, отчего засыпалось легче и снились радостные сны.

***

Однажды Верочка увидела сон: с лунной дорожки прямо ей навстречу спускается женщина в платье, усыпанном блёстками, в переливающемся звёздами кокошнике на голове. Она молча манила Верочку и кивком показывала ей путь наверх, на лунную дорожку. Они стояли в чистом поле, луна светила ярко, заливая своим светом всё вокруг.

Верочке было немного страшно, но волшебная женщина стала подниматься вверх, и Верочка послушно пошла за ней. Потом оказалась в длинном узком коридоре, стены которого мерцали и переливались голубоватым цветом. Женщина незаметно исчезла, Верочка шла уже одна, дошла до поворота направо, но не решилась повернуть, испугалась: что там? Долго лежала с гулко бьющимся сердцем, во власти увиденного, перебирая мысленно каждое мгновение волшебного сна, и не могла понять, что это было. Рассказала сон Ольге.

— Это хороший сон. Наверное, тебя ждёт прекрасное будущее. Может быть, станешь известной, знаменитой, счастливой, — сказала Ольга.

Этот сон остался в памяти навсегда.

Ольга была сильной женщиной, из тех, которые привыкли жить, стиснув зубы и не жалуюсь. Перед началом войны поступила в Ленинградский сельхозинститут. Окончила курсы медсестёр. Со второго курса ушла на фронт. Блокаду знала не понаслышке, всё видела своими глазами: и умирающих на улице людей, и длинные очереди за водой у проруби. Получила похоронку на жениха, выросшего в детдоме и ушедшего на фронт со второго курса института. Его звали Герман.

Стояла у операционного стола, принимала и подавала хирургу инструменты. Окровавленные

ампутированные руки, ноги складывала в таз. Сдавала, как и все, кровь для раненых, её требовалось много, не всегда хватало, иной раз медсёстры вынуждены были сдавать больше положенной нормы. Голова после этого кружилась, ноги подкашивались, от запаха крови тошнило. Ей посоветовали: «Покури, легче станет». Стала курить, да так и не бросила.

С фронтовых фотографий улыбалась красивая темноволосая девушка в белом халате рядом с такими же улыбающимися подругами. Войну прошла до самой Польши.

Вернулась к родителям. А тут родилась племянница Верочка, которая стала для Ольги дочерью и заполнила собой всю жизнь. Ольга перевелась на заочное отделение института, работала заведующей детскими яслями. Вечерами приходила туда готовиться к экзаменам. Здесь было тихо, никто не мешал. Верочку брала с собой. Здесь было много игрушек, книжек с яркими картинками, девочка разглядывала их, хотя давно уже миновала ясельный возраст. Вечер тянулся долго. В тишине поскрипывал стул, на котором сидела мама Оля, шелестели переворачиваемые страницы конспектов и учебников.

***

А ещё была у Верочки своя большая страна, где было много интересного и неожиданного.

Страна эта называлась «дядя Вася». Мамин брат вернулся с фронта, получив тяжёлое ранение в позвоночник, лежал в госпитале и выписался инвалидом первой группы с диагнозом «рассеянный склероз». Служил в партизанском отряде, был радистом, рассказывал, как прятался с рацией в подполе деревенской избы, а прямо над его головой по избе ходили немцы. С группой бойцов Василий ехал в грузовике, тот опрокинулся в кювет. Жив остался он один.

Синеглазый кудрявый тридцатилетний парень пришёл к родным на своих двоих. Вряд ли догадывался, какая судьба его ждёт. Писал стихи о родине, природе, посылал их поэту-песеннику Михаилу Исаковскому, автору слов знаменитой «Катюши», тот однажды ответил, одобрил, пиши, мол, ещё.

Из города Василию приходили журналы «Радио» для радиолюбителей. Он изучал по ним схемы радиоприёмников и из отдельных деталей собирал собственный: в левом углу комнаты висела чёрная «тарелка» — репродуктор, сделанный его руками. К Василию тянулась молодёжь со всей деревни, многим захотелось научиться радиodelу, а он охотно рассказывал и объяснял.

Василий не смог ходить в клуб после того, как отказали ноги. Там по воскресеньям показывали фильмы, устраивали танцы. Баяниста в селе не было,

танцевали под патефон, который приносила из дома Ксения. С чёрного диска звучали голоса Шульженко, Бернеса, Утёсова, знаменитого дуэта Бунчикова с Нечаевым, Ружены Сикоры, Капитолины Лазаренко, теперь давно уже забытых певцов и певиц. Лились сладкие мелодии танго, песни о любви, соловьях и луне. Сдвинув стулья к стене, молодёжь топталась в центре зала. Иногда из города приезжали артисты филармонии.

А Василий сидел на своём топчане у окна, в которое был виден лес, тяжёлый чугунный колокол напротив дома, в который били, оповещая сельчан в случае опасности или в экстренной ситуации, и угол школьного здания. На топчане, сколоченном из досок, постелен соломенный матрас: на мягком нельзя было лежать с больным позвоночником.

Верочка подсаживалась рядом с дядей Васей и начинала задавать вопросы, он знал всё: о морях-океанах, о других городах и странах, о животных. Включал приёмник, и из него звучала музыка. Верочка впервые узнала, что такое опера. Транслировались отрывки из «Евгения Онегина», они слушали вместе, дядя Вася прочитал ей наизусть несколько строк текста. Верочка было попросила:

— Я хочу записать все слова, а ты говори.

— Это очень много, я всего и не помню.

— Ну хоть немного, хоть начало!

— Ладно, пиши: «Слыхали ль вы»...

Верочка записала так, как слышала: «слыхали львы», «вздохнули львы».

Музыка вошла в её жизнь именно с того времени и сопровождала на протяжении всей жизни. У девочки был хороший музыкальный слух и память, а опера воспитывала и вкус к настоящей музыке. Но в послевоенной деревне и мечтать не приходилось о музыкальной школе, здесь и начальная-то была трёхлетней.

Из города привезли коляску с ручным управлением. Вася неторопливо ехал, избегая кочек и неровностей, а Верочка бежала сзади, подталкивая коляску, когда колёса увязали в песке и буксовали. С собой на улицу она брала кусок чёрного хлеба, густо посыпанного сахаром, на свежем воздухе это лакомство казалось гораздо вкуснее, чем дома.

...Дядя Вася слёг, когда перестали видеть глаза и слушаться руки. Суп из ложки выплёскивался, сидеть не давал больной позвоночник. Василия привязывали к столу полотенцами, чтобы хоть недолго мог продержаться, но сводило судорогой ноги, и он падал навзничь на своё деревянное ложе. Уже ничего не чувствующие ноги сплошь покрылись кровоподтёками и ссадинами. Тело в пролежнях, не смотря на усилия бабушки, раны

не заживали, появлялись новые. К страданиям больного присоединился рак пищевода, Вася не мог глотать пищу, бабушка кормила его только сырыми яйцами, при виде которых его тошнило, но глотать мягкую массу было не так мучительно.

Василий умер, не дожив полугода до своего сорокалетия. В тот последний день его жизни пришла фельдшер, чтобы сделать анестезию. Понимая, что ему остались считанные часы, предложила бабушке сделать инъекцию, облегчающую уход. Но мать не смогла своими руками убить сына.

...Он лежал на столе в задней комнате. Люди приходили проститься, подолгу стояли, тихо переговариваясь. Верочка услышала, как кто-то шепнул: «Святой!» Она ещё не знала, что означает это слово. Когда все ушли, подошла близко и долго вглядывалась в исхудавшее, измученное страданиями лицо человека, который был ей не только родным — самым лучшим, самым близким другом. Ей казалось, он просто спит. Не могла понять непостижимое: как это — нет его? Василий заменил ей отца, свою скромную пенсию отдавал для неё, оставляя себе только на махорку. Она не могла догадываться, что на протяжении всей жизни смутные воспоминания о нём и через много лет будут отзываться острой болью, будто потеряла его только вчера. Болью оттого, что не сможет сказать,

как он ей дорог, и никогда не сможет поблагодарить за то, что подарил ей, маленькой девочке, целый мир, богатый, многогранный и прекрасный, полный красоты, музыки и любви.

***

Перед началом весенних каникул учительница Мария Александровна раздала детям табели с оценками успеваемости, похвалила тех, кто хорошо учился, в том числе и Верочку.

Настроение было прекрасное: наступила весна, повеяло теплом, впереди каникулы. Стоя на крыльце школы, Верочка чувствовала небывалую лёгкость и радость, как птица, которой хотелось взлететь. И, сама не зная почему, направилась в совхозную контору, где работала Ксения.

Мать сидела у маленького окошка с надписью «касса» и что-то подсчитывала на деревянных счётах с костяшками, похожими на маленькие колёсики.

— Ты что прибежала? — спросила она, удивившись внезапному появлению дочери.

Верочка, поняв, что пришла не вовремя, оробела и растерялась. Протянула в окошко табель:

— Вот. Показать.

— Ну, входи, — Ксения открыла перед ней дверь, впуская в комнату, в которой, кроме неё, сидели ещё две женщины. Заглянув в табель, мать удовлетворённо кивнула и громко объявила:

— Одни пятёрки! Ну, молодец, беги домой.

И всё. Настроение померкло. Верочка брела к дому, сама не понимая, что изменилось, чего она хотела от Ксении, зачем пошла к ней. Мать редко интересовалась её успехами. Сейчас Вере стало досадно и немножко стыдно за себя. Знала, что никогда не расскажет об этом ни Ольге, ни бабушке. Пятёрки, которыми гордилась, были заслужены с помощью Ольги, которая вместе с Верой учила уроки, решала задачи, повторяла правила. Вот кто поймёт и обрадуется по-настоящему.

Но прежняя радость уже не возвращалась.

...Уже став взрослой, Вера поняла: как бы ни любила её Ольга, подсознательно именно Ксения оставалась для дочери главной первородной защитой, надеждой, залогом незыблемости своей любви, и Вера ждала от матери подтверждения этой любви. Связанные кровным родством, они должны были понимать друг друга с полуслова, полувзгляда, как единое существо. Но этого почти никогда не происходило. Оставался горький осадок разочарования, как после обмана.

***

Верочка сидела посреди комнаты на маленькой табуретке, сколоченной для неё дедушкой. В комнату вошла Ксения, она обычно приходила за молоком

и яйцами, у бабушки было семь кур и корова Тучка, вся в чёрно-белых пятнах, на всю деревню прославившаяся душистым жирным молоком, в селе было немало желающих купить её. Тучку любили как кормилицу и умницу. Летним вечером, вернувшись с пастбища, Тучка сама подходила к дому, просовывала голову в открытое окно и мычала, мол, пора доить.

На этот раз Ксения не спросила, где бабушка, а, отхлебнув молока из Верочкиной чашки, предложила:

— Пойдём за черёмухой?

Верочка радостно вскочила и засобиралась.

Лес — вот он, рукой подать. В мае аромат цветущих деревьев плыл отсюда по всему селу, особенно вечерами — густой, щедрый, чуть горьковатый. Лес в эту пору превращался в сплошные белые заросли. А потом на них вызревали ягоды размером с садовую вишню. Здесь, в лесу, ничто не мешало им расти и набираться сил, ничто не тревожило, стояла благоговейная тишина, нарушаемая лишь шумом ветра. От тяжести ягод тонкие гибкие ветки клонились к земле. В тишине можно было услышать, как осыпаются налитые соком спелые плоды от малейшего ветерка.

Верочка собирала черёмуху в ведёрко, а Ксения ломала целыми ветками: стал накрапывать дождь, надо было торопиться.

И он грянул вдруг сразу, будто прорвавшись сквозь невидимую преграду. Капли били по лицу, летели за воротник. Верхушки деревьев взволнованно шумели, а мать и дочь хватали наугад, почти не видя, и бросали в корзину душистую ягоду. Гроза подступала ближе, лес озарялся вспышками молнии, было страшно и весело, и Верочке вдруг вспомнилось недавно прочитанное в книге слово «стихия».

— Стихия! — закричала она. — Стихия!

Они уже бежали, насквозь промокшие, возбуждённые. Эта прогулка как будто сблизила их. Дома, сев на свою табуретку, Вера долго обирала с веток ягоду и радостно жмурилась. Комната наполнилась ароматами свежести и черёмухового горьковатого сока.

Этот день остался в памяти на всю жизнь.

***

Однажды летом приехал отец.

Ксения появилась взволнованная и о чём-то долго шепталась с бабушкой, потом отозвала дочку в соседнюю комнату и, понизив голос, сказала:

— Завтра приезжает твой папа.

Шестилетняя Вера поняла, что должно произойти что-то значительное. Она никогда не видела своего отца и даже не

задумывалась, почему у неё его нет. О нём говорили редко, а когда говорили, никакого интереса к этому человеку Верочка не испытывала, будто отец существовал в каком-то неведомом пространстве, не имеющем прямого отношения к ней. Но волнение матери невольно откликнулось в её душе, и девочка весь день оставалась напряжённой, рассеянной, не понимая, как должна встречать отца.

Настала ночь, Вере не спалось: боялась пропустить это важное событие. В доме тоже не спали, в соседней комнате горел свет, бабушка хлопотала у плиты. Ксения подошла к дочери:

— Ты усни. Когда придет, мы тебя разбудим.

...Верочка проснулась от громких голосов и смеха. Приехал! Проспала! Сердце заколотилось, стало немного страшно. Посидела недолго и, преодолев волнение, вышла на голоса.

Вокруг стола, выдвинутого на середину комнаты, сидела вся семья, отец — в центре. Разговаривали все разом, перебивая и не слыша друг друга, такого оживления и радости в семье Верочка не помнила. Мать, нарядная, красивая, возбуждённая, летала по комнате, подавая закуски. Вера стояла у порога в замешательстве, её заметили не сразу.

— А вот и Верочка! — наконец сказал кто-то и подтолкнул к столу.

Отец с улыбкой протянул к ней руки и посадил к себе на колени, что-то спросил. Достал из чемодана мягкую игрушку — собаку, но его отвлекли. Откликнулся и заговорил, а она продолжала сидеть на его коленях и чувствовала себя непривычно скованно. Колени у отца жёсткие, сидеть было неудобно, а он всё говорил и говорил, как будто забыв о ней. Говорил слегка в нос, не по-мужски высоким голосом, смеялся неприятно, отрывисто, закатывая голову. У него были узкие глаза, рыжеватые волосы и брови. Подняв глаза, Верочка увидела худую шею, плохо выбритую щёку и пустое место для пуговицы на воротнике несвежей рубашки. Посидев немного, осторожно соскользнула с колен и пошла к себе, волоча за ухо подаренную собаку. Положила игрушку на табуретку и нырнула под одеяло. Хотелось скорее заснуть, чтобы забыть неожиданную обиду и разочарование.

Наутро отец позвал Верочку погулять по деревне. Стояла середина лета, жара, и они направились к реке Медведице. Шагали широкой деревенской улицей мимо чугунного колокола, мимо школы, мимо дворов с курами, копающимися в песке, мимо небольшого заросшего травой озера, в котором давно уже не водилась рыба.

Верочка шла молча, испытывая неловкость, она не понимала,

почему должна идти рядом с этим чужим мужчиной, отвечать на его дежурные вопросы, делать вид, что ей всё это нравится. Должна о чём-то говорить, но о чём? Похоже, и отец чувствовал то же самое. А главное, она не знала, как его называть. Папой? Не могла, старалась обходить это слово.

— А в Саратове у тебя есть сестра, тоже Вера, — сказал отец. Верочка молча кивнула.

Вышли к берегу. В небольшой низине их встретили низко склонившиеся к земле старые ивы, почва под которыми была влажной и вязкой, напитанной соком, падающим каплями с ветвей, словно слёзы, недаром ивы называют плакучими. Потянуло сыростью, прохладой, запахом свежей листвы. Деревья замерли, будто спали, прислушиваясь друг к другу. Не хотелось уходить отсюда в жару, так бы и стояла, прикрыв глаза.

По песчаному берегу там и сям росли увязающие в песке лопухи. Песок обжигал босые ноги.

— Будешь купаться? — предложил отец. Вера с облегчением кивнула и бросилась к воде. Отец сбросил пиджак, сел прямо на песок и задумчиво закурил, отгоняя дым ладонью.

Верочка привыкла приходить сюда с бабушкой, когда удавалось её уговорить, и тогда купание превращалось в бурный восторг. Бабушка стояла по колени в

воде, в намокшей юбке и с тревогой наблюдала за внучкой — как та возится, визжит и плещется. Она разводила в стороны руки, устанавливая границы дозволенной территории, и не позволяла Верочке выходить за пределы этого пространства, но всё равно это было прекрасно и радостно.

— Смотри, как я плыву! В далёкие края! — кричала Верочка и со всей силы била ногами, передвигаясь по дну на согнутых локтях. Бабушка смотрела испуганно и терпеливо ждала, когда внучке надоест, но Верочке казалось, что она готова купаться до самого вечера. А сейчас почему-то не хотелось. Всё время помнила, что предстоит обратная дорога вместе с отцом, неинтересные и ненужные вопросы и ответы. Вышла из воды и сказала:

— Хочу домой.

На следующий день проснулась поздно. Дома тихо. Вышла на улицу, на пороге встретила мать, запыхавшуюся от быстрой ходьбы.

— Папа сейчас уезжает. Беги, проводи, грузовик около магазина. Торопись, а то не успеешь.

Верочка послушно побежала. Если не успеет, отец подумает, что не захотела с ним попрощаться. Сейчас он уедет, и жизнь вернётся в привычное русло.

Она увидела машину и людей, собравшихся в небольшую группу, но отца среди них не было. Неужели уже уехал? По-

дошла, остановилась, напряжённо всматриваясь в лица. Кто-то сзади сказал:

— Отца проводить пришла? Да вон он, в кузове сидит. Крикни ему громче, не стесняйся.

Отец действительно сидел в кузове спиной к Верочке и оживлённо разговаривал со своими попутчиками. Позвать его? Но как? «Папа»? Не могла. Ей казалось, что рядом выжидающе наблюдают любопытные.

Её кто-то вырубил, окликнули отца. Он оглянулся. На его лице отразилось удивление, и Верочка поняла, что он не ждал, наверное, даже забыл о ней. Этого зачем-то хотела мама. Зачем?

Отец улыбался и что-то говорил, но Верочка не слушала, смотрела ему в лицо и чувствовала себя вовлечённой в какую-то взрослую жизнь, которую ей невозможно было понять. Машина тронулась с места, оставляя за собой пыльный шлейф, а Верочка всё стояла и смотрела, как автомобиль удаляется из виду. Вот и совсем исчез.

Через много лет узнала, зачем приезжал отец: жена выставила его из дома за пьянство и загулы, и он понадеялся, что прежняя примет, а поняв, что это невозможно, повернул обратно.

***

Совхоз относился к ведомству железной дороги, и каждый год в первое воскресенье августа деревня дружно гуляла — отмечала День железнодорожника.

Из города по случаю праздника привезли продукты: белый хлеб, конфеты, чай, товары повседневного спроса, а сегодня ещё и бочку пива.

Выйдя на улицу, Верочка увидела очередь, собравшуюся около грузовика. Люди с банками и бидончиками шумно и весело переговаривались, а отоварившись, неторопливо разбредались по домам. Вечером их ждали танцы в клубе и новый художественный фильм, об этом сообщало объявление на стене магазина.

Верочка немного погуляла по деревне. На улице безлюдно, жарко. Все отмечали праздник. Повернула было домой, но, проходя мимо Ксениного дома, вдруг решила зайти, она редко бывала у матери.

За длинным деревянным столом в центре комнаты сидели Ксения с отчимом и ели жареную картошку из большой чугунной сковороды. Пили пиво, наливая его из эмалированного бидончика. Непьющий Георгий оказался большим любителем спиртного и уже не скрывал этого.

Ксения посадила дочь за стол.

— Покушай с нами, — предложила она и поставила перед Верочкой тарелку с картошкой, отрезала хлеба. Это «с нами» как будто проводило границу между ними и Верой. Она не хотела есть, водила по тарелке вилкой и машинально оглядела комнату: длинная, почти без мебели, с узкой занавеской на окне, на тумбочке радиолы, с потолка свисает

оранжевый абажур. И без книг. Пусто и неудобно.

Мать с отчимом перебрасывались редкими фразами. Ксения спросила Верочку о чём-то, Георгий молчал, упёршись взглядом в стол, наверное, тоже не знал, о чём говорить. И Верочка не знала. И не понимала, зачем пришла сюда. Действительно, зачем, ведь они видятся каждый день. Приходя к бабушке, Ксения торопливо обнимала дочь и снова уходила. Но Верочка не ревновала, всё, что происходило в жизни матери, как будто не касалось её и не переплеталось с её жизнью.

Посидев недолго, Верочка заскучала и встала из-за стола.

— Ты куда? — спросила Ксения.

— Домой.

— А здесь ты не дома? — вспыхнула мать.

Поняв, что допустила оплошность, Вера смутилась и поспешно опустила на табуретку. Зачем Ксения кривит душой и придирается к словам, она же прекрасно понимает, что дом — это место, где живёт человек. Будь Верочка взрослой, она, может быть, сказала это, но сейчас растерялась и не могла найти слов. Посидев немного и помолчав, встала тихонько и пошла к двери.

Её никто не останавливал.

***

Верочке лет четырнадцать. Июльским воскресным вечером

они с Ксенией оказались в городском парке. На открытой летней эстраде шёл концерт, выступали артисты областной филармонии. Народу собралось немного, но свободных мест не было, пришлось слушать стоя.

Ведущая объявила каватину Розины из «Севильского цирюльника». При первых же звуках музыки душа Верочки затрепетала, мелодия была знакома ей с детства. Но тогда вместе с дядей Васей они слушали её из старой «тарелки», а сейчас она чисто и громко звучала прямо со сцены, совсем рядом. Это была живая музыка, и Верочке она показалась ещё прекраснее, ничего подобного она до этого не слышала. У девчонки дух занялся от восторга, сжались кулачки, и всем своим существом она устремилась навстречу мелодии. Хотелось с кем-то поделиться радостью, но люди равнодушно смотрели на сцену, некоторые даже о чём-то переговаривались. Посмотрела на Ксению. Лицо матери ничего не выражало, она не любила классической музыки.

Верочка стала подпевать, сначала про себя, потом всё громче, обвела глазами соседей: неужели им всё равно, неужели эти волшебные звуки не отзываются в их душах? Никто не откликнулся на её взгляд, не улыбнулся. Зато Ксения одернула её:

— Ну что ты вертишься? Чтобы обратить на себя внимание? Это неприлично!

В голосе звучали досада и раздражение. Веру будто обожгло, стало стыдно за себя, будто и впрямь ей захотелось похвастаться перед людьми, возвысить себя. А Ксения и себя почувствовала задетой. Радость исчезла.

Но в памяти до сих пор осталась городской парк, маленькая сцена, окружённая кустами сирени, летний вечер и музыка.

Позже Верочка узнала имя композитора — Джоаккино Россини.

***

После смерти Василия ничто не удерживало семью в деревне. В городе давно уже обосновались два сына бабушки с семьями. Сняли комнату в частном доме, поделённую на две части занавеской. В той, что побольше, проходной, жил дедушка, а бабушка с Ольгой и Верочкой спали во второй половине, топили печку.

Ксения с Георгием поселились недалеко. У них родился Валерик. Родственники считали, что появлением сына Ксения, будучи старше мужа на пять лет, надеялась укрепить семейные узы, ведь их брак не был зарегистрирован до сих пор. Но, судя по всему, она напрасно волновалась, Георгия ребёнок мало интересовал, в прежней семье у него осталась дочь, а теперь он жил в своё удовольствие: работал время от времени, пил

открыто и любил только свою собаку Альфу, живущую в конуре, да и ту частенько забывал вовремя покормить. Возвращаясь пьяным, хрипло пел, матерился и устрашающе скрипел зубами. Гонял жену по квартире, пускал в ход кулаки, Ксения пряталась от него у соседей и стоически защищала Жору от осуждения родственников.

Жору арестовали за участие в краже. Мать бегала в поисках адвоката, искала деньги, приходила к бабушке, плакала, но адвокат постарался — Георгия оправдали.

В то время Вере было лет пятнадцать. Она не понимала, как можно любить такого человека. Смотрела кино и верила, что любовь может быть только такой, как показывают в советских фильмах, — искренней, взаимной, верной, далёкой от быта, грубости. Только так и будет у неё когда-нибудь: они, влюблённые, пойдут, держась за руки, с песней в груди, и даль ясна, как пелось в этой песне, и впереди только счастье, и никто никогда не нарушит этой гармонии.

Потом был институт. А на последнем курсе Вера познакомилась с Олегом. Их свела музыка. Девушка, не умеющая играть ни на одном музыкальном инструменте, поразила его своей преданностью музыке и эрудицией. В мире звуков она разбиралась не хуже, чем любая студентка музыкального училища, которое

он окончил. Всё было, как Вера мечтала: огромные букеты пионов, поцелуи, долгие проводы домой, обещание счастья, которое не обманет. Поженились уже через два месяца после знакомства. Ольга уступила молодым комнату, а сама перешла в кухню, более всего боясь, что они уйдут жить на квартиру, а она останется одна.

Музыкант — человек особенный, вокруг него всегда много желающих послушать, попеть, повеселиться, он в центре внимания, к нему тянутся. Вот и к ним потянулись друзья-холостяки. Каждый раз выпивали и подолгу засиживались в их единственной комнате. Ольга встречала их радушно, иногда сама подсаживалась, любила поговорить и послушать. Она радовалась, что тишина их дома сменилась дружескими посиделками, новыми впечатлениями, было приятно, что молодёжь уделяет ей внимание, что её уважают и слушают. Рядом с ними и сама молодела душой. И сразу полюбила зятя.

Но постоянные выпивки перестали нравиться Вере, слишком много внимания её муж уделял гостям, показалось, что их общество для него важнее, чем она. Пугало, что слишком часто и много пьют. Сказала об этом Олегу. Он вскипел:

— Ну, началось! Я знал! Всегда выпивал, но алкашом, как видишь, не стал! Я своих друзей на жену никогда не променяю!

Таким злым и грубым Вера его ещё не видела. Растерялась и промолчала. Не такой представляла себе свою любовь. Но это было самое начало.

Олег стал постепенно отдаляться. Жил в семье, но как будто сам по себе. Стал равнодушным и неласковым. Приходя с работы, ложился на диван, а вечерами подолгу сидел с Ольгой в кухне, с Верой и словом не хотел перекинуться. Тянулась к нему с объятием — мягко отводил её руки:

— У тебя одни поцелуи на уме. У нас такого не было. Скучно — займись чем-нибудь.

Вера вспыхивала, будто получала пощёчину. У «них» — это в семье, где он вырос. У них не было принято многое, например, делать подарки в праздники, в день рождения. Однажды перед Восьмым марта Олег сказал с досадой:

— И кто эти традиции с подарками придумал?! Мы жили без этого!

И Вера почему-то чувствовала себя виноватой. Она жила, как чеховская Душечка, только интересами мужа: повсюду за ним, как нитка за иголкой. Научилась ловить рыбу, плести сети из тонких капроновых нитей. В магазине сети не продавались, шла борьба с браконьерством, а она с удовольствием, имея много времени в декретном отпуске, занималась их плетением. Ячейки получались ровными, а изделие

её рук напоминало белоснежную ажурную шаль, которой хотелось любоваться. Вместе ездили на мотоцикле туда, куда хотелось мужу: в лес, на речку, однажды даже в соседнюю область, к его родственникам. И всё это был праздник. Потому что вместе.

Появилась Дашенька. Вера после операции лежала в реанимации. На соседнюю кровать положили женщину, к которой утром и вечером из дальнего района города приезжал муж. А Олег не шёл, поссорился из-за этого с тёщей. На её упрёк, почему не навещает жену, ответил резко:

— Какая разница, кто приходил, она всё равно не встаёт, а передачи вы ей носите.

— А твой в командировке, что ли? — однажды спросила Веру санитарка.

Вера кивнула и закрыла глаза. Она знала, что Олег в двух шагах отсюда, в доме через дорогу.

Ночами Даша громко плакала, Олег сказал, что не высыпается и будет ночевать у Ксении, рядом с которой находилась школа, где он работал.

Крошечная девочка Дашенька посапывала в своей кроватке и не могла знать, что её мать несла в себе боль нелюбимой жены. Это было унижительно и горько, никому не расскажешь. Кто-то смотрит на ситуацию просто: был бы муж — и ладно, а она, привыкшая к теплу и ласке родных людей, не могла смириться.

Лучше нищей, голодной, некрасивой, но любимой, иначе жизнь теряет смысл.

Ночью смотрела в темноту и вспоминала свои наивные ожидания любви. Где теперь та любовь? Прошло всего-то четыре года. Бывало, бежала открывать Олегу дверь, увидев его в окно, а теперь видеть не может.

— Олег, что у нас происходит? — спросила однажды.

— А что случилось? — удивился он.

— А ты сам не видишь?

— Опять ты за своё! Я работаю, устаю. Ну, хочешь, я сегодня останусь?

— Не хочу. Я о другом. Что происходит между нами?

— Тебе самой не надоело? — Олег ругнулся матом и стал натягивать пальто.

Ночь. Одиноко. Страшно. Всё летит куда-то в бездну, и ничего нельзя сделать. Вера подошла к Ольге и, как в детстве, нырнула к ней под одеяло, ища тепла и утешения. Слёзы ползли по щекам и расплывались по подушке.

— Ну-ну, — Ольга погладила её по голове. — Всё будет хорошо.

— Я больше не могу.

— Что это значит? — напрыглась Ольга. — Делай что хочешь, только не развод. Да так живёт большинство! Ты о Даше подумала? Он ей отец.

«Большинство». Да какое ей дело до этого большинства, если собственная единственная жизнь

разрушена, а она ещё совсем молода. Неужели не заслужила своего права на счастье?

***

...Мастит. Коварный и непредсказуемый нарыв. Боль, нарастающая в грудной мышце и бритвой полоснувшая даже от лёгкого прикосновения простыни. Температура ползёт вверх и сбивается лекарством ненадолго — опять растёт.

От боли и жара слипаются глаза. День, ночь... Врачи назначают уколы, блокаду лекарствами. Всё сливается в однообразный звон и шум в ушах. Неделя, вторая... Олег приходил и уходил. Однажды пришёл с другом. Не раздеваясь, прошли в кухню, выпили. Вера видела это сквозь горячую пелену, но ей было всё равно. Казалось, что сознание вот-вот оборвётся навсегда.

Всё это время рядом с ней была Ольга. Она использовала все отгулы на работе, взяла отпуск без содержания, металась между Верой и внучкой, но с завтрашнего дня должна выходить на работу. А у Ксении как раз начинался очередной отпуск. Ольга позвонила ей, попросила прийти.

Было понятно, что пришла мать ненадолго. Присела на стул и выжидающе посмотрела на сестру. Ольга объяснила ситуацию.

И грянула буря. Ксения вспыхнула и вылила целый поток аргументов, почему не может

заменить Ольгу: её вызывают на работу, остались незавершённые дела и другие планы на завтрашний день.

— Да посмотри на свою дочь! — не выдержала Ольга. — Положение серьёзное!

В ответ грянул поток ругательств и обвинений, воспоминания о прошлых обидах, намёки, не относящиеся к ситуации. Ольга не молчала. Обе матери неистово защищали свою правоту, забыв о больной.

Их крики уже не касались Вериного сознания, она плыла в раскалённом мареве, как в море, в безнадёжность и неизвестность, равнодушная ко всему.

Сёстры опомнились. Градусник показал отметку 41. Скорая помощь отвезла Веру в больницу, сделали операцию, сказали, что была на волоске.

Выписалась, вышла на работу. Дашей занималась Ольга. Олег вернулся в дом, как Одиссей из дальних странствий. Приходя с работы, он ставил у батареи раскладушку и время проводил лёжа. Это было не обидно, она тоже не хотела никакой близости. Но однажды подумала: а зачем так жить? Он как будто повинность отбывает, а ей за что?

— Мы разлюбили друг друга, я так больше не могу.

Вера сказала «мы», щадя его. Олег смотрел перед собой ошарашенно и ничего не понял.

— Ты что, хочешь разойтись? — спросил он глухо.

— Не знаю. Но я не могу.

Олег стоял, не двигаясь. Оба молчали. Это были страшные минуты, хотелось броситься куда-то, спрятаться, лишь бы закончился этот разговор.

Олег ушёл.

Ольга позвонила Ксении, но та уже всё знала, зять поспешил сообщить ей обо всём. В этот день он остался у своей матери, а Вера выслушивала упрёки Ольги, держащей на руках Дашеньку, как живой укор Вериному преступлению.

Теперь каждое утро началось с упрёков. Сдержанная по своей природе Ольга сейчас не была похожа на себя. Вера не подозревала, что она может быть такой жестокой и резкой. Без бранных слов уничтожала взглядом, интонацией, это было страшнее проклятий.

Пришла Ксения, ещё одна тётка — сводная сестра матерей, и они втроём взялись за Веру, уверенные, что борются с ней ради её же блага. Никто ни о чём не спросил её. Грубо кричали мерзости в лицо. Ксения, битая и оскорбляемая собственным мужем, не понимала, чего не хватает дочери: «Не пьёт, не бьёт». А что теперь скажут люди? Было невыносимо слышать это от родных людей, которым так доверяла, но которые теперь хотели её сломать, скрутить, выпороть, унижить. Это было вероломство. Вера поняла, что её предали. Видно, легко было любить маленькую послушную девочку.

Теперь она вышла из повиновения, и любить её стало невозможно.

Олег приходил и брал дочку на прогулку. Ходил упорно, надеясь, что всё образуется, но Вера его визиты выводили из себя. Ольге она теперь не верила и не понимала, что движет ею самой — желание развода или протест. Выпрямилась пружина, сидящая в ней много лет. А Олег здесь просто ни при чём.

***

Ольгу сразил инфаркт, когда Вере было уже за сорок. Похороны, поминальный обед, ощущение нереальности происходящего. До сознания не доходило, что не стало человека, который любил её и жил только ради неё, её единственной опоры и защиты. Звучали речи, которые произносятся по подобному поводу. Вера сидела в прострации и ничего не слышала. Хотелось очутиться дома, где всё ещё оставалась душа той, с которой в последнее время оборвалась связь. Хотелось оказаться одной.

Но пришли Ксения и мамина сводная сестра, сели по углам. Вера понимала, что они здесь ради того, чтобы не оставлять её одну. Тётка подпёрла голову руками, сидя за столом, её одолевала дремота. Ксения молчала.

Вера ждала, что уйдут, но они упорно сидели, и каждая думала о своём. Зачем сейчас они здесь? Когда нужна была помощь, их не было, а сейчас отсиживают

положенное время. Раздражение достигло апогея. Вера не выдержала:

— Уходите отсюда! Оставьте меня!

Женщины не шевельнулись. Мать нерешительно встала, подошла к двери, но остановилась. Вера, не помня себя, что есть мочи толкнула её. Та покачнулась и вышла за дверь.

Страшнее этого времени Вера не помнит. Дом опустел. По привычке Вера торопилась сюда после работы, но, переступив порог, встречала тишину и пустоту, понимала, что чудес не бывает. Пятнадцатилетняя Даша стала угловатой, обзлённой, разговаривала резко и неохотно, обходила мать стороной, стараясь лишний раз не обращаться к ней. Каждый раз после этого у Веры оставался в душе тяжёлый осадок, она старалась понять, что происходит, но Даша подчёркивала своё нежелание объясняться. Вере не хотелось идти домой, Даша как будто мстила ей за что-то. Ольга часто упрекала дочь, считая, что Вера мало уделяет Даше внимания, это происходило в присутствии девочки, может быть, в этом причина: она не доверяет Вере. Найти общий язык с дочкой Вере не удавалось.

У Даши появились друзья, которые просто не воспринимали Веру как хозяйку квартиры. Звонок в дверь — и порог переступала компания странных полудетей с повязками на лбу, в

дранных джинсах, девушки в солдатских шинелях, постриженные наголо, как после тифа; кто-то втащил велосипед и поставил в коридоре, перегородив и без того узкое пространство. Они шли мимо неё или, ей казалось, прямо на неё, не здороваясь, как будто не замечая, показывая полное безразличие к её присутствию. Проходили друг за другом в комнату, и оттуда раздавались громкие восклицания, смех. Вера открыла дверь — они сидели на ковре и курили, вместе с ними и Даша. Никто даже не шелохнулся, не взглянул в её сторону. Этот ковёр, подаренный Ольге в день проводов на пенсию, всегда висел на стене, теперь он валялся на полу. Вера была для них пустым местом. Закрыла дверь: она их боялась.

Переселилась в кухню, спала на диване, прежнем Ольгином месте. Можно было затворить дверь и спрятаться. От чего? От одиночества и тоски, от страха перед неизвестностью не спрячешься, они караулят в углах, смотрят на тебя с каждой стены, они в воспоминаниях: здесь она прожила с шестнадцати лет, каждый уголок хранил моменты жизни, и сама квартира уже казалась ей чем-то живым, частью прошлого. Понимала: Даша, единственный, такой выстрадавший долгожданный ребёнок, выросла избалованной, привыкла по первому слову получать всё, начиная от игрушек,

заканчивая сладкими подарками, к её ногам складывалось то, что было недоступно другим детям. Бабушка ни в чём не могла ей отказать, а она, мать, видела это. Но попробовала бы сделать замечание: слишком мало занималась Дашей, по существу повторила путь Ксении, поэтому ей следовало молчать. Ольга смотрела с неммым упрёком, когда Вера уходила по своим делам. Никому не приходило в голову заглянуть вперёд, а за свои ошибки приходится расплачиваться, вот Вера и платит.

Окончив восьмой класс, Даша сидела дома, учиться не хотела. После музыкальной школы легко поступила на эстрадное отделение, у неё были незаурядные данные, но учиться хотела только на гитаре, а туда почему-то девочек не принимали, пообещали сделать для неё исключение, но потом предложили кларнет. Даша бросила учёбу сразу, не задумываясь. Работать без образования можно было только уборщицей или мойщицей посуды. Со всеми вступала в конфликт, опаздывала, не выносила замечаний, её увольняли в первую же неделю.

К Даше приходила подруга по музыкальной школе, девочка из очень состоятельной интеллигентной семьи, и просиживала до глубокой ночи. Даша дала ей запасной ключ от квартиры, однажды Вера увидела, как та за-

крывает их дверь. Подруга приносила связки бананов, конфеты в коробках, пачки сигарет. Сидели и дымили прямо в комнате.

Банановая кожура валялась на столе, посуду никто не убирал, а девочки сидели вдвоём и рассуждали о прекрасном. Прикусив губу, Вера наводила порядок. Однажды обнаружила, что с полок стали пропадать собрания сочинений из библиотеки, которую бережно собирала Ольга, а на стене комнаты красуется красочный постер с изображением любимых Дашиных музыкантов, кумиров всего человечества. Откуда у неё это?

Девяностые годы — развал в стране и в семье. Как жить дальше? Шла к матери, но у неё были свои проблемы: Георгия не стало, а Валерий спивался. В доме не убрано, витает дух запустения, чуждая атмосфера. Мать искала подработку и ни о чём, кроме своих проблем, говорить не могла.

Олег приходил, жаловался на нехватку денег, одиночество. Искал подругу жизни, как писали в объявлениях, — не получалось. Выпивал, стал неряшливым и рассеянным. Взвалить его проблемы на свои плечи Вера не могла, помощи от него не ждала, одалживала ему деньги, и он уходил. Дважды за это время в её жизни всплывали кавалеры с предложениями руки. Это было скорее смешно, чем грустно.

***

...Пятьдесят лет, шестьдесят лет... Шестьдесят семь. Матери — девяносто два. До сих пор у неё всё ещё ясные глаза, разгадывает кроссворды, смотрит телевизор, помнит имена актёров. Умеет поднять себе дух вопреки ударам судьбы и болезням, борется за жизнь — таков характер.

Ах, какая красавица была! На застольях выпивала немного, пела русские песни не хуже Ольги Воронец — знаменитой артистки, с которой училась в Смоленске в одной школе. Когда певица приехала на гастроли, мать пошла к ней за кулисы. Но артистка не потерпела панибратства и не признала её, хотя в Смоленске школьницей приходила к ним в гости.

На Ксению заглядывались мужчины, даже делали предложение, но она лишь кокетливо улыбалась и оставалась верна тому, который бил и грязно ругался. Теперь испуганное выражение не сходит с её лица: брат, не стеснясь Веры, лезет прямо под подушку матери, ищет деньги. Она не встаёт с постели, превратившись в слух: что там, за стеной, у Валерика с новой снохой, опять ругаются? Потом со всеми подробностями рассказывает это Вере.

Трудно, нет, не трудно — невыносимо находиться здесь, самым главным испытанием для Веры стало сохранять терпение.

...Возвращаясь с рынка с тяжёлыми сумками, Вера встретила во дворе любопытную и словоохотливую соседку Ксении.

— Опять нагружилась? А он, как всегда, сидит и ждёт закуски! Где только совесть у людей?!

Лифт не работал, пришлось вручную тащить сумки на шестой этаж. Валерий открыл дверь, живо подхватил из рук Веры ношу, понёс в кухню. Достал кольцо колбасы, отломил от него большой кусок...

Действительно, где совесть? Вера давно поняла, что совесть — теперь почти забытое понятие, без него легче жить. Вот и она сама идёт сюда не с желанием помочь, а с обидой и раздражением. Атмосфера в этом доме беспросветная и тягостная, похожая на высыхающее болото, жизнь в котором едва теплится, источая ядовитые пары, хочется вырваться отсюда на свежий воздух. Между Верой и матерью до сих пор незримо стоит стена непонимания, недоверия и нелюбви. Но обе они делают вид, что этой стены нет. Любой разговор неизбежно сводился к одной теме — Валерий. Ксения любила его неистово, жалела и боялась за его будущее.

— Ночью у него нарывал палец, и я тоже не могла уснуть, еле уговорила пойти в поликлинику, — рассказывала она.

Вера не может забыть, как однажды Ксения спросила её в присутствии брата:

— Ты же не бросишь его, когда меня не станет?

Совість не позволила ответить отказом, но и пообещать не позволила. Вера промолчала.

...Тот день не задался с утра. Вера простудилась: в горле першило, болела голова. В кошельке одиноко лежала купюра, которой едва хватит, чтобы дотянуть до пенсии. Долго мёрзла в ожидании автобуса. Лифт в доме матери опять не работал. Наконец дотащилась до шестого этажа. Вошла, остановилась.

— Подожди, не снимай пальто, — сказала Ксения. — У Валеры сигареты кончились, сходи, купи две пачки, — мать протянула ей деньги.

Но Вере кровь ударила в голову:

— Я не могу, я заболела. Пусть идёт сам.

— Зачем же ты пришла? — в голосе Ксении слышалась досада. — Позвонила бы, что не можешь. Ты же знаешь: нельзя давать ему деньги! Я бы сама пошла, но не могу!

Веру подхватило и понесло:

— А ты хоть когда-нибудь думала обо мне? Как я живу, что со мной... Я устала, устала! Ты слышишь кого-то, кроме себя и его? У меня всегда была только одна семья! Одна! И пусть он не ждёт от меня помощи, не надейся! Никогда, ты слышишь, никогда!

Ксения лежала молча, безучастно глядя перед собой. В её лице не дрогнул ни один мускул,

было непонятно, слышит ли она эти жестокие слова.

Дверь за Верой захлопнулась, она оказалась на улице. Внутренняя дрожь долго не унималась, потом наступила опустошённость. Телефон в кармане не умолкал, звонила мать. Вера откликнулась — услышала её голос, захлёбывающийся в упрёках и обвинениях. Нажала кнопку отключения.

Через дорогу, возле церковной ограды, длинной цепочкой тянулась очередь: люди с пустыми бутылками, ёмкостями, бидончиками пришли за крещенской водой. Сердце ёкнуло: обидела мать именно в такой день. Эта очередь — напоминание о том, что ещё не поздно всё исправить. Ей давался шанс. Вернуться? Телефон всё так же заливался, Ксения, эмоциональная и вспыльчивая, долго не успокаивалась после пережитого. Однажды Вера поняла, что скоро простится с матерью навсегда, стала просить у неё прощения даже по пустячному поводу. А сейчас, когда это необходимо, не могла преодолеть себя, боясь нового всплеска эмоций, который и сама не выдержит.

***

Гололёд. Троллейбус медленно двигался по дороге. Вера смотрела в окно невидящими глазами, заново переживая ссору. И вдруг взглянула на себя со стороны: равнодушная эгоистка, какое право она имела судить

мать, позволяя себе быть слабой, жалея только себя? Она должна бросить работу, ухаживать за ней, однажды Ксения говорила ей об этом. Но на одну пенсию не прожить. «Делай что должно...» А что она делала? Получается, что Ксения совсем её не любила, не заботилась, не дала и доли добра и нежности? Почему Вере запоминалось только плохое? Завтра она поедет к ней и скажет, что любит, скажет «прости», всё ещё можно исправить.

Утром следующего дня Вере позвонила бывшая жена Валерия; этой ночью Ксении не стало, умерла во сне.

Неужели виной тому была та ссора, Верина жестокость? И она навсегда останется непрощённой?

Ксения была вспыльчивой, но легко забывала обиды от сына, мужа. Простила бы, наверное, и её.

— Ты отпусти тяжкие мысли, прости мать в душе своей. А пока носишь обиду в себе, так и будешь мучиться, — сказала Вере знакомая старушка.

Вера поехала на кладбище, нашла могилу. Брат сделал низкую скамейку, поставил ограду. Вера положила цветы, присела, долго смотрела на холмик сухими глазами.

— Прости меня, мама! Прости! Прости! Прости! — повторяла она то шёпотом, то криком.

Только куст, выросший за оградой, ответил ей коротким кивком.